

Юлий Айхенвальд

Фет



Юлий Айхенвальд
Фет

«Public Domain»

1913

Айхенвальд Ю. И.

Фет / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain», 1913 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-13369-3

«Из стихотворений Фета прежде всего явствует, что он — поэт, отказавшийся от слова. Ни один писатель не выражает так часто, как он, своей неудовлетворенности человеческими словами. Они для него материальны и тяжелы; „людские так грубы слова“ и никогда не соответствуют „неизреченным глаголам“ духа, которые в минуту вдохновенья зарождаются в священной тишине. Слова только приблизительны. О, если бы можно было отвергнуть их неискусное посредничество! О, если б без слова сказаться душой было можно!..»

ISBN 978-5-457-13369-3

© Айхенвальд Ю. И., 1913
© Public Domain, 1913

Юлий Исаевич Айхенвальд

Фет

Из стихотворений Фета прежде всего явствует, что он – поэт, отказавшийся от слова. Ни один писатель не выражает так часто, как он, своей неудовлетворенности человеческими словами. Они для него материальны и тяжелы; «людские так грубы слова» и никогда не соответствуют «неизреченным глаголам» духа, которые в минуту вдохновенья зарождаются в священной тишине. Слова только приблизительны. О, если бы можно было отвергнуть их неискусное посредничество! О, если б без слова сказаться душой было можно! Тишина, дыхание, вздохи; глаза, которые смотрятся в глаза другие; призыв, переданный «одним лучом из ока в око, одной улыбкой уст немых»; золотое мигание дружественных звезд – все это гораздо красноречивее нашей бледной речи; все это – понятные и чудные намеки, которые вообще для Фета более желанны, чем постылая и мнимая отчетливость слишком умного, определяющего слова. Ведь говорит же душистая душа цветов на бессловесном языке своего аромата; «каждый цвет уже намек», и, внемля «цветов обмирающих зову», так чутко понимает его влюбленная пара, и так уверенно разбирается она во всех переливах, во всей немой гамме этих благоухающих откровений. Цветы красноречивее людей. И Фет, может быть, потому, что он и сам вечно влюблен, именно ароматами хочет возместить скудость слова; отсюда у него – «пахучая рифма», «речи благовонные».

Но без слова нельзя обойтись. Естественно только, что наш поэт употребляет их очень мало, как можно меньше, и каждое из его характерных стихотворений сжато и коротко. Фету совсем не пристало бы многословие. В сердце готовы четыре стиха, я прошептал все четыре стиха – и этого довольно. Ведь стихотворение – молитва, а смысл молитвы – в том, что она коротка: ей больше одного слова не нужно, и в одно слово необходимо сосредоточить ее пафос, ее глубокую душу. Вся трудность – в том, чтобы его, единственное, найти; оно и будет слово мировой загадки. И в одном стихотворении Фета мы читаем даже:

Не нами
Бессилье изведано слов к выраженью желаний:
Безмолвные муки сказались людям веками;
Но очередь наша, и кончится ряд испытаний
Не нами.

Итак, человечество страдает тем и от того, что для своей молитвы не может найти надлежащего слова. В этом – вся трагедия и вся история; последняя – не что иное, как смена людских поколений, ищущих слова.

Его не нашел Фет и от дальнейших поисков отказался. Его любимые речи – это «речи без слов». Поэт молчания, певец неслышимого, он потому и слова подбирает не очень тщательно, не очень разборчиво и соединяет их почти как попало («не мне связных слов преднамеренный лепет»); не безразлично ли в самом деле, какое слово произнести, когда все равно ни одно из них не отвечает мысли и чувству, когда мы обречены на вечную невысказанность и немоту души, когда – «друг мой, бессильны слова – одни поцелуи всесильны»? И вот из самостоятельных, от слова отрешившихся крылатых звуков, которые, как эльфы, реют и купаются в воздухе, из нежного роя избранных, наиболее утонченных слов он ловит любое, лишь бы только в дыхании своем оно являло свое воздушное происхождение и было как легкий Ариэль. И в своем парении Фет – Ариэль поднимается по эфирной «благовонной стезе» все убывающей осязательности: вместо слов у него звуки, вместо звука – дыханье, вместо дыханья – молчание.

Оттого – и частая внешняя бессвязность его стихотворений, причудливый синтаксис и слова, поставленные рядом как бы случайно, без внутренней необходимости. Оттого знаменитое «шепот, робкое дыханье» – ряд подлежащих без сказуемого: ибо что сказать? Оттого он «шепчет не слова»: не в словах дело; и то, что он всегда скорее шепчет, нежели говорит, – это тоже показывает его небрежность в обращении со словом, которое по природе своей громко. Фету чужды цельные и внятные предложения, ему дороже «шепот, шорох, трепет, лепет»: у него стихи движутся «воздушной стопою»; они – чуть слышные, едва произнесенные; у него – звуки, самые тихие в нашей литературе, и вообще он – шепот русской поэзии.

Влюбленный, опьяненный, далекий от явственного слова, Фет не говорит, а бредит: «Эти звуки – бред неясный, томный звон струны». И отрадно ему оставаться в томной тайне, в томном бреде, не рассеивать его; «не стыжусь заиканий своих». Он не хочет сознания, боится его грубой точности и предпочитает жить на колеблющейся грани между светом души и ее тьмою – быть на рубеже небытия. Ему хорошо в бессознательном, в беспричинном, он не требует объяснения, – «зато ли, оттого ли», ему все равно. И потому Фету больше, чем другим поэтам, было бы неприятно приближение критики, сознания, конкретности. Его муза прошла «все ступени усыпления», она дремлет теперь: на заре ты ее не буди. Сквозь сонный бред – его типичные стихотворения. Одно из них – молитва Морфею: поэт коснулся его целебного фиала, и вот уже объят сладостною ленью, и говорит во сне пленительные слова. Разбудите его, и тогда замолкнут его лучшие стихи, и тогда послышится рассудочная, невыносимо трезвая проза – отголосок Фета эмпирического, Шеншина, хозяйственного и консервативного помещика, на свою личную жизнь обрушившего всю ту материальность и жесткость, от которой он, во имя и для торжества эфирности, освободил свою поэзию.

В виде некоторого психологического курьеза отметим, однако, что иногда и в стихах Фета своеобразно сказывается его частная жизнь и физиономия: например, он прозаически, разбивая образ, выражается так, что «в грядущем цветут все права красоты», или что «день права свои утратил», или что «весна берет свои прав а», – не заронил ли этот юридический элемент в лирику Фета то чувство собственности, которым, говорят, в таком преизбытке обладал Шеншин?..

Итак, соловей боится слова, боится солнца: «Только что сумрак разгонит денница, смолкает зарей отрезвленная птица, и счастьем и песне – конец». Утренняя заря отрезвляет; и при свете, при слове не бывает настоящего счастья. Ночь пьяна, заря трезва; слово трезво, молчание пьяно. Слово, навязчивое в своей определенности, зажигает какую-то лампу, вносит будящий свет, – а здесь хочется темноты или сумерек, хочется мерцания и молчания.

Во сне говорит Фет стихами или, по крайней мере, стихами припоминает то, что ему приснилось. Потому и лежит на его стихотворениях как бы тонкая вуаль, и все они – «словно неясно дошедшая весть»; они выступают из-под «дымки-невидимки» прошлого, точно осенило их платоновское воспоминание. Посетила муза угол поэта, и он обрадовался ей:

Дай руку. Сядь. Зажги свой факел вдохновенный.
Пой, добрая! В тиши признаю голос твой
И стану, трепетный, коленопреклоненный,
Запоминать стихи, пропетые тобой.

Он и запомнил. И теперь он повторяет нам то, что слышал некогда из божественных уст, теперь рассказывает нам этот дивный приснившийся сон, от которого остались только призрачные намеки – эти серебряные, серебристые, сквозистые стихи, или эти отдельные слова, которые ласкают душу веянием каких-то шелковых опахал. «Отрывистая речь» его музыки создала бессвязное, непонятное; но это священная неясность Пифии, которая бредит в своем вещем сне, – а над нею, в таком же блаженном усыплении, в такой же истоме,

Как мечты почиющей природы,
Волнистые проходят облака.

И плывут, плывут на очарованного поэта, сладким чадом обволакивают сознание и душу его благовонные волны, в которых – и звуки, и свет, и звезды, в которых слова встречаются с поцелуями, – и не знаешь, смеется ли это девушка или звучит сонет, на нее похожий. Как ангелы, реющие вокруг Сикстинской Мадонны, сливаются в облака, так все у Фета, что есть в мире нежного и неуловимого, образует одну неразличимую воздушность. И об этом нераздельном единстве несказанных впечатлений, об этом мире, который, утончившись, весь вошел в отдельное сердце, шепчет поэт нечто имматериализованное – будто он целует свои слова, и они раскрывают ему навстречу уста свои, – или это не слова, а лепестки цветов, или это не цветы, а звезды, или это не звезды, а девичьи глаза?..

Что бы это ни было, это, наверное, счастье. Именно оно, беспредельное, томительное, благодатное, идет на нас из стихотворений Фета. Какая-то эманация блаженства и неги, чистейшая квинтэссенция человеческих упоений... Вся мировая радость и сладость любви растворилась в утонченнейшую стихию и напояет ароматными пирами его страницы; вот почему от его стихотворений замирает сердце, кружится голова. Сам Фет болен от счастья и жалуется на это своей Офелии; он не выдерживает его избытка, пьянеет от счастья, которое он сам же, волшебник, вызвал отовсюду – из цветов, из лучей, из лобзаний. Душа переполнена, «все рвется вон из меры»; «сердцу грудь казалась тесна». Оттого знакомы ему и «страдание блаженства», «мука блаженства»; оттого счастливая поэзия его, где «легко и самое страдание», имеет все же колорит элегический, а не жизнерадостный; оттого знает он волнуемое безумие:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.